

Николай Митрохин

Mark Bassin and Gonzalo Pozo, eds. The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy. London: Rowman & Littlefield, 2017. 384 pp. ISBN 978-1-7866-0162-9.

Николай Митрохин – исследователь в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия), ассоциированный сотрудник Центра восточноевропейских исследований (Forschungsstelle Osteuropa) в Университете Бремена (Германия). Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 8, 28359 Bremen, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

Различные политические теории «растворены в воздухе» в виде риторики, которую большая часть аудитории просто не понимает. Или не воспринимает. Политики, бюрократы и другие категории граждан, составляющие «политический класс», используют, особенно в разговорах в своем кругу, определенную терминологию и, пользуясь ею, устанавливают задачи для нации (которые не всегда нации понятны). При этом академический анализ или общественная рефлексия по поводу этих задач и их исходных, теоретически сконструированных моделей, как правило, сильно запаздывает. Если вообще проводится. В этом отношении заслуживает большого уважения деятельность профессора Университета Сёдертёрна Марка Бассина (Mark Bassin), инициировавшего долгосрочный проект по изучению одной из политических теорий, важных для постсоветского социума – евразийства.

Что такое современное евразийство? Чем является современный Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и как он реально работает? Что значит евразийская риторика в устах политиков и деятелей культуры? Является ли ЕАЭС в нынешнем виде порождением евразийской теории 1920-х или его практическое воплощение породило новый феномен? На эти вопросы пытается ответить очередной том, изданный в рамках проекта Бассина. Он состоит из 15 статей, в которых специалисты различных, преимущественно европейских и американских, университетов пытаются с разной степенью детализации ответить на эти вопросы. Некоторые из этих текстов принципиально важны для понимания современной политической истории России и других стран постсоветского пространства и дают представления о причинах тех острых международных конфликтов, которые в нем возникли после 2014 года.

Ключевым текстом сборника является статья одного из двух его соредкторов Гонзало Позо (Gonzalo Pozo) «Евразийство в российской внешней политике: Кейс Евразийского экономического союза» (с. 161–180). При всей компактности, это удивительно подробный анализ того, чем должен был быть и чем стал ЕАЭС. Планы российского руководства на создание альтернативы ЕАЭС представлены тут весьма обстоятельно, и столь же подробно объясняется их если не полный провал, то весьма ограниченная реализация. Этот текст во многом является ключом для понимания причин нынешнего положения России в сфере международной политики.

Вторым по значению текстом является статья Ирины Коткиной (Irina Kotkina) (с. 59–78), которая дополняет текст Позо. Она разбирается с тем, насколько евразийские идеи, пройдя через российские государственные структуры (прежде всего внешнеполитические), трансформируются в концепцию «русского мира». Последний концепт почти полностью противоположен изначальной концепции евразийства, однако автор весьма подробно описывает инфраструктуру по продвижению «русского мира», сформированную в России за 2000–2010-е годы.

Статья известного украинского специалиста по европейским ультраправым Антона Шеховцова (Anton Shekhovtsov) в целом продолжает ту же тему. Однако он описывает на конкретных примерах влияние российских евразийцев – прежде всего группы политолога Александра Дугина – на группировки их украинских единомышленников в 2000–2010-е годы.

Работа популярного политолога Ричарда Саквы (Richard Sakwa) (с. 201–220) не является собственно исследовательской, но весьма полезна с точки зрения суммирования разнообразной информации о прошлом и настоящем евразийства. Это идеальный пример западного академического текста для студенческой аудитории (и неспециалистов), и его стоит воспринимать и использовать именно в этом качестве.

Сам Бассин посвящает свою статью сравнению евразийства с «рассологией» – еще одной политической теорией, сравнительно популярной в России. Его текст не только сравнительный, но в значительной степени рефлексивный. Не слишком ли много внимания было уделено евразийству западными исследователями? Действительно ли оно определяет «тренды» в современном российском политикуме? Каково его значение на фоне других антидемократических теорий?

Здесь автору этой рецензии есть чем дополнить размышления профессора Бассина и его коллеги Игоря Торбакова (Igor Torbakov), который в первой статье сборника (с. 19–38) анализирует отношение классических русских националистов к евразийству. Действительно, увлечение западных исследователей евразийством, неоевразийством и теориями российского политолога Дугина кажется чрезмерным на фоне совершенно иных, во многом куда более очевидных идеологем, важных для российского и, шире, постсоветского политикума. Наследие историка Михаила Гефтера, которым вдохновлялся «мозг» путинской администрации начала 2000-х, Глеб Павловский и множество менее значительных представителей российского политического класса, теории Георгия Щедровицкого, которые через его сына Петра повлияли на появление целого класса «политтехнологов», различные варианты расизма (не только «рассологии»), черносотенства, православного фундаментализма, мистицизм и футурология, милитаризм и ресентимент (в чистом виде представленные, например, в работах Николая Старикова и Максима Калашникова), ностальгия по СССР и антиамериканизм, антисемитизм и «антифашизм», империализм и монархизм, глорификация дореволюционной России и Белой гвардии – это лишь то немногое, что первым приходит в голову при мысли о заметных и реально имеющих влияние антизападных идеологиях в современном постсоветском пространстве.

По одним из названных тем отсутствуют какие-либо исследования, по другим написаны отдельные статьи. И в этом отношении тома, посвященные евразийству, выглядят излишеством, результатом интеллектуальной моды. Но это не так. Просто

евразийство оказалось единственной подробно проанализированной антидемократической идеологией в постсоветском пространстве. А остальные только ждут изучения на подобном уровне. В этом отношении остальные статьи сборника дают представление о том, в каких направлениях могут двигаться подобные исследования. Три статьи посвящены евразийству в современной российской культуре. Они анализируют евразийство в сфере «альтернативной истории» и современном российском кинематографе. Честно говоря, их трудно назвать интересными, поскольку они посвящены очень избирательно отобранным сюжетам, заставляющим предположить, что перед нами только книги или фильмы, случайно попавшие в руки авторов.

В пяти статьях анализируется евразийство «вне России». Не очень, правда, понятно, почему в этот раздел включен текст о евразийстве в Татарстане, написанный известным российским антропологом и историком идей Виктором Шнирельманом (Victor Shnirel'man). Автор, как всегда, весьма обстоятелен и хорошо ориентируется в материале. И фокус его внимания – внутрисоветская региональная трансформация общероссийской (или, точнее, московско-петербургский) идеологии – крайне любопытен.

Остальные статьи с разной степенью подробности рассматривают популярность евразийства в Казахстане, Венгрии, Турции и Германии. Притом что ситуация в Казахстане безусловно важна для современного евразийского движения, выбор остальных стран для сборника неочевиден. Куда больший интерес представляла бы оценка уровня поддержки евразийских идей в странах постсоветского пространства, в том числе входящих в ЕЭС: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Узбекистана, Украины.

Особняком в сборнике стоит статья возможно самой известной специалистки по евразийству Марлен Ларуэль (Marlene Laruelle), работающей в настоящее время в США. Она внесла скромный, но специфический вклад в дискуссию, обратившись к конкретному примеру влияния евразийства на российские академические институты, а через них – на внешнюю политику Российской Федерации на китайском направлении. Для этого она использовала труды директора Института Дальнего Востока РАН Михаила Титаренко. Этот пример, думается, необходимо было продолжить другими текстами, посвященными влиянию евразийцев на академическую и образовательную систему (такого материала много).

В целом после прочтения сборника становится понятно, что от классического евразийства до российской политики по созданию Евразийского экономического союза пролегает гигантская дистанция. Однако в общем идеология автаркически замкнутого, но при этом с этнической и религиозной точки зрения сравнительно плюралистического авторитаризма, коей является евразийство, прижилась. Она становится подспорьем для самооправдания целой группы режимов в Европе и Азии, достаточно продвинутых, чтобы уйти от смертоносно жестоким диктатурам XX века к технократическим автократиям XXI века. Вместе с тем проблемой этих режимов является одно: они не в силах предложить убедительную массовую мобилизационную идеологию для населения, особенно молодежи. И евразийство такой идеологией стать не может, как бы не надували щеки его пропагандисты.